

DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-96-110

УДК 95

СТРОИТЕЛЬСТВО МЕКСИКАНСКОЙ НАЦИИ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СПОРЫ О НОВЫХ ФОРМАХ ГОСУДАРСТВА (1821–1824)

Туренко Кристина Армановна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия

kasaakova@gmail.com

Аннотация. В 1810–1824 гг. в Новой Испании в несколько этапов произошла война за независимость. В 1821 г. к власти пришел бывший испанский генерал Агустин де Итурбиде, провозгласивший независимость Мексиканской империи. Окончательно государственный суверенитет был закреплен в Конституции 1824 г. Именно в эти три года активно обсуждался вопрос функционирования нового государства, однако эти дискуссии еще не рассматривались исследователями с точки зрения становления политического языка. При обращении к методам Кембриджской школы интеллектуальной истории и концепции «языкового сообщества» Джона Покока в статье анализируются эволюция и развитие общественного-политического дискурса о новых формах государства (1821–1824). Анализ конституционных и программных документов, а также личных документов мексиканских священников и политиков позволяет рассмотреть дискурс с точки зрения аргументации революционеров. Под новыми формами государства понимается ряд государственных принципов и идеологий, наиболее часто встречающихся в источниках, – суверенитет, либерализм, конституционализм, республиканизм, федерализм. Хотя эти понятия нельзя определить как однородную группу, в начале 1820-х гг. их значения были сильно переплетены и подразумевали следующие идеи: народный суверенитет, отказ от монархизма, представительство, легитимность, разделение властей, права и свободы, национальное единство. Не менее важным атрибутом новой власти стало сохранение влияния Римско-католической церкви и испанского наследия. Именно на этих принципах и понятиях строилось новое государство.

Ключевые слова: Новая Испания, война за независимость, распад империи, национальное строительство, конституционализм, идеологии, интеллектуальная история.

BUILDING THE MEXICAN NATION: SOCIO-POLITICAL DEBATE ABOUT NEW FORMS OF STATE (1821–1824)

Turenko Kristina A.

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia
kasaakova@gmail.com

Abstract. The War of Independence took place in New Spain in 1810–1824. In 1821, the former Spanish general Agustín de Iturbide came to power and proclaimed the independence of the Mexican Empire. State sovereignty was finally enshrined in the Constitution of 1824. These three years were the time of the heated debate about the functioning of the new state that had not previously been considered by researchers from the perspective of the political language. Referring to the methods of the Cambridge School of Intellectual History, the article analyzes the evolution and development of social-political discourse about new forms of the state (1821–1824). The analysis of constitutional and program documents, as well as the personal documents of Mexican priests and politicians, allows us to consider the discourse in terms of the revolutionaries' arguments. The new forms of the state are understood as concrete principles and ideologies, most commonly named in sources, such as sovereignty, liberalism, constitutionalism, republicanism, federalism. Although these concepts cannot be defined as a homogeneous group, in the early 1820s their meanings were intertwined and implied the following ideas: popular sovereignty, rejection of monarchism, representation, legitimacy, separation of powers, rights and freedoms, national unity. Another important attribute was the preservation of the Roman Catholic Church and the Spanish heritage. The new state was built on these principles and concepts.

Keywords: New Spain, the war of independence, the collapse of the empire, nation-building, constitutionalism, ideologies, intellectual history.

Цитирование: Туренко К.А. Строительство мексиканской нации: общественно-политические споры о новых формах государства (1821–1824) // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 3. С. 96–110. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-96-110 / Turenko K.A. Building the Mexican Nation: Socio-Political Debate about New Forms of State (1821–1824), in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 3. Pp. 96–110. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-96-110.

© Туренко К.А., 2024

В европейской и латиноамериканской историографии считается, что революционные события XVIII–XIX вв., и в наибольшей степени политические катаклизмы Наполеоновской эпохи, сыграли роль катализатора нациогенеза. В это время «нация» формируется как совокупность граждан, коллективный суверенитет которых образует государство, воплощающее и реализующее политическую волю. По мнению Джона Хатчинсона, национализм – это эпизодическое явление, к которому обращаются в кризисные моменты, такие как войны, экономические потрясения, массовые миграции [Hutchinson, 2017, p. 10].

Политическая автономия и последующее становление новых наций в Испанской Америке стало результатом такого кризиса – распада Испанской империи. В мае 1808 г. произошло сразу несколько событий: восстание жителей Мадрида против французов 2 мая, отречение королевской семьи в Байонне в пользу Жозефа Бонапарта и создание местных антинаполеоновских хунт в Испании, а затем и в Испанской Америке.

Традиционно в латиноамериканской историографии выделялись две причины подъема национального самосознания – усиление гнета Испанской империи во второй половине XVIII в. и влияние идей Просвещения [Latin America ... , 1961; Альперович, 1964, с. 115]. Позднее исследователи стали отмечать и другие импульсы «креольского национализма»¹: колониальное административное деление, развитие типографского дела в XVIII–XIX вв., рост самих креольских сообществ, лишенных доступа к высокопоставленным должностям [Андерсон, 2016, с. 110–131]. Интересно, что появление национальных настроений у мексиканцев было обнаружено немецким географом Александром фон Гумбольдтом (1769–1859) уже во время его путешествия по Южной Америке в 1799–1804 гг. [Гумбольдт, 2014, с. 82]. Эти идеи нашли выражение в таких исторических работах, как «Искусство мексиканского языка» Хосе Агустина де Альдама и Гевара (1754), «Древняя история Мексики» Фрасиско Хавьера Клавиhero (1780–1781).

Война за независимость в Новой Испании² была уникальна тем, что ее инициировали священники – Мигель Идальго (1753–1811) и затем Хосе Мария Морелос (1765–1815). Они обучались у иезуитов, и их образование основывалось на схоластической традиции – трудах Франсиско Суареса (1548–1617) и других представителей Саламанкской школы. Лидеры движения оправдывали свои действия доктриной народного суверенитета, которая исторически уходила в испанскую средневековую политическую мысль [Stoetzer, 1979, p. 193].

¹ В первые два десятилетия существования советской власти гетман позиционировался как враг крестьянства и проводник политики «великоросского шовинизма». Однако к концу 1930-х гг. критический взгляд был пересмотрен и Хмельницкий превратился в героя, который способствовал исторически прогрессивному «воссоединению Украины с Россией» [Stories of Khmelnytsky, 2015, p. 171–172].

² Креолы – потомки испанских конкистадоров в Америке, впоследствии возглавившие революцию в большинстве регионов.

Восстание началось с «Клича Долорес» Мигеля Идальго 16 сентября 1810 г. и быстро привлекло индейцев и метисов, поскольку провозглашало мексиканскую автономию и прекращение кастовой системы [Davis, 1987, p. 130]. После казни Идальго в 1811 г. его дело продолжил Хосе Мария Морелос. Именно он придал движению правовую основу, созвав Конгресс в Чильпансинго и опубликовав программу «Чувства нации» в 1813 г. Документ также основывался на схоластической мысли: Римско-католическая церковь, равенство социальных групп, отмена рабства, смертной казни, особых привилегий духовенства и армии [Davis, 1987, p. 144]. Морелос был первым революционером в Мексике, призвавшим отождествлять суверенитет с легитимностью, а не с фигурой единоличного Суверена. Все эти идеи отразились в Апацинганской конституции, опубликованной 22 октября 1814 г., которая уже носила республиканский характер [El Congreso de Anáhuac, 1963, p. 135]. Тем не менее в мае 1814 г. Фердинанд VII снова стал королем Испании и к концу 1815 г. восстановил власть в Новой Испании. 22 декабря 1815 г. Морелос был казнен.

Второй этап революции начался во время «Либерального трехлетия» в Испании (1820–1823) и был связан с именем испанского генерала Агустина де Итурбиде (1783–1824), перешедшего на сторону повстанцев. За короткий промежуток времени, с 1821 по 1824 г., Новая Испания обрела независимость и претерпела немало политических экспериментов, перейдя от императорской власти к республиканскому правительству. Этот период стал ключевым для развития мексиканского государства.

Как отмечал политик Лукас Аламан (1792–1853), в Мексике произошло две революции: одна была массовой, радикальной и в конечном счете неудачной, другая – элитарной, умеренной и победоносной [Alamán, 1849, p. 282]. Несмотря на различия, историки редко отмечают идеологическую преемственность двух этапов и значение испанского наследия в формировании нового государства, поэтому цель настоящей статьи – проследить эволюцию и развитие общественно-политического дискурса о новых формах государства в 1821–1824 гг.¹

Современную историографию, посвященную становлению мексиканскому государству, можно поделить на несколько групп – атлантическая история [Simon, 2017; Tutino, 2018], ибероамериканская история понятий [Fernández Sebastián, 2014; Diccionario de la independencia ... , 2010], а также отдельно стоящие исследования, рассматривающие историю политическую [Guardino, 1996], конституционную [Селиванова, 2018] и др. При этом мексиканская история начала 1820-х гг. с точки зрения политического языка не была предметом самостоятельного анализа, в то время как именно эти три года привели к государственному и национальному формированию.

¹ Новая Испания – вице-королевство, в состав которого входили современные Мексика, государства Центральной Америки и юго-западные штаты США.

Методология исследования основана на положениях Кембриджской школы интеллектуальной истории. Согласно кембриджским теоретикам, каждый текст следует интерпретировать как продукт исторического контекста (в первую очередь идеологического), сформировавшийся в процессе языковой деятельности [Кембриджская школа ..., 2018, с. 11]. По мнению Джона Покока, авторы находятся в «языковых сообществах» и задают пределы аргументации языком или дискурсом [Рососк, 1989, pp. 3–41]. В нашем случае «языковым сообществом» являются мексиканские священники и политики, которые не только создали новое государство, но и объясняли необходимость перемен. Такие понятия, как суверенитет, либерализм, республика, федерация, конституция, получили современные интерпретации.

Для раскрытия темы в статье использованы документы личного происхождения [Mier, 1821; Lato Monte, 1821; Alamán, 1849; Alamán, 2008]; конституционные и программные документы, объединенные в сборники [Davis, 1987; Entre letras y fusiles ..., 2021]. Таким образом, дискурс в статье рассматривается с двух сторон — через официальную риторику и аргументацию революционеров в сочинениях и заметках. В ней также анализируется влияние испанского колониального наследия на формирование независимого государства.

ЭКСПЕДИЦИЯ ФРАНСИСКО ХАВЬЕРА МИНЫ (1817) В НОВУЮ ИСПАНИЮ

После казни Хосе Марии Морелоса новый импульс движению придала экспедиция генерала Франсиско Хавьера Мины (1789–1817) в Новую Испанию в 1817 г. Во время Пиренейской войны (1808–1814) с Наполеоном I он организовал партизанский отряд для борьбы с французами, но после роспуска либерального правительства Фердинандом VII Мина бросил свои силы на помощь мексиканским повстанцам. Пытаясь восстановить Кадисскую конституцию (1812), первую в испанском мире и одну из самых либеральных для своего времени, Мина обратился к хунте Хаухильи за оружием и людьми.

Риторика революционеров стала кардинально меняться именно во время экспедиции. Согласно исследованию Хавьера Фернандеса Себастьяна, примерно половина революционных документов, содержащая понятия «республика» и «республиканский», относится к этому периоду, а также к текстам Хосе Сервандо Тереса де Мьеры (1765–1827) — политика и священника, принимавшего в ней участие [Fernández Sebastián, 2009, p. 1335].

В прокламациях Мины также встречается понятие либерализма. Существительное «либерал» получило политический смысл в конце 1810 г. в судах Кадиса, когда члены одной из двух групп в этом собрании стали именовать себя «либералами» [Fernández Sebastián, 2012, p. 308]. Значение этого термина включало в себя и моральный оттенок, прежде всего связанный с щедростью и великодушием. В контексте вторжения французских войск на испанскую территорию в 1808 г. это слово было использовано в качестве прилагательного, подразумевая свободу как

новую политическую ценность. Кадисская конституция стала именоваться «либеральной», закрепляя новое значение слова. Важно отметить, что в ее составлении принимали активное участие мексиканские депутаты [Селиванова, 2018, с. 50–51]. В испаноязычном мире слова «либерал» и «либерализм» стали отражать ряд политических ценностей: свободу личности, индивидуальные права и гарантии, политическое равенство, разделение властей, — которые легли в основу национального суверенитета.

Испанская монархия рассматривалась иберийскими и американскими либералами как деспотичная, сословная и привилегированная система. Революционеры активно апеллировали к естественным правам человека, закрепленным общественным договором между местным населением и колонизаторами, что отсылает как к труду Жан-Жака Руссо «Об общественном договоре» (1762), так и к новым революционным идеям, возникшим в ходе Французской и Американской революций. В Мексике, как и во всей Испанской Америке, либерализм возникает из ожиданий трансформации существующего политического порядка. Тем не менее повстанческое движение Мины оказалось unsuccessfulным и вскоре было разгромлено роялистами.

Восстание генерала Рафаэля Риго (1784–1823) в Испании в 1820–1823 гг. вынудило Фердинанда VII вновь ввести в действие Конституцию 1812 г. Многие либералы, пришедшие к власти в Испании, были масонами и проводили антиклерикальную политику: возобновили изгнание иезуитов, сократили церковные десятины, закрыли часть монастырей и национализировали их земли. Испанское правительство также попросило Папу Римского не признавать государства Испанской Америки и назначать епископов напрямую из Мадрида. Централистская политика, продолжающая абсолютистскую линию Бурбонов, оказалась фатальной для Испанской империи [Stoetzer, 1979, p. 246]. В ноябре 1820 г. испанский полковник Агустин де Итурбиде был вновь направлен в Новую Испанию, чтобы разбить остатки мятежа на юге, но он вступил в переговоры с лидерами движения и в начале 1821 г. убедил их объявить независимость.

КРАТКОВРЕМЕННЫЙ УСПЕХ АГУСТИНА ДЕ ИТУРБИДЕ (1821–1823): ИМПЕРИЯ И СУВЕРЕНИТЕТ

Из-за религиозных настроений своего народа Новая Испания первой отреагировала на курс либерального правительства [Stoetzer, 1979, p. 246]. При помощи Агустина де Итурбиде церковь и аристократия смогли добиться военного сотрудничества с партизанскими силами (Висенте Геррело, Гваделупе Виктория). 24 февраля 1821 г. был опубликован «План Игуалы» [Davis, 1987, p. 151]. Он содержал указания для временного государства (23 пункта): сохранение влияния Римско-католической церкви; полная независимость; конституционная монархия во главе с Фердинандом VII или другим представителем испанской короны; создание армии «трех гарантий» (религия, независимость, союз); сохранение ветвей государственной

власти и нынешнего положения государственных служащих. «План Игуалы» вновь продемонстрировал влияние схоластической традиции: даже в 1821 г. революционеры предлагали корону Фердинанду VII и боролись за права Церкви.

Как отмечает Хайме Родригес, провозглашение «Плана Игуалы» и простота его послания предложили солдатам и гражданским лицам, роялистам и повстанцам спасение от хаоса и надежду на возвращение к процветанию [Rodríguez, 2012, p. 37]. Документ предлагал компромисс — способ сохранения представительного конституционного правительства, не исключавшего примирения с испанской монархией. В этом смысле он напоминал личную унию, предполагая объединение двух независимых государств при одном монархе. К примерам личных уний, возникших в результате деколонизации, обычно относят Бразилию при Педро I (1822–1831).

Лукас Аламан, ставший впоследствии апологетом мексиканского консерватизма, высоко оценивал усилия Итурбиде по обеспечению независимости Мексики, прежде всего за его уважение к испаноязычному наследию. Если другие революционеры подчеркивали, что Мексика на протяжении трех веков испытывала гнет испанской короны, Аламан отмечал, что доиспанской нации не существовало. В этом смысле примечательно, что наиболее цитируемой фигурой в его трудах стал Эдмунд Берк (1729–1797): Аламан использовал ранние сатиры Берка на Руссо (1712–1778) и другие идиллические изображения дополитических человеческих обществ. Аламан восхищался реформами Бурбонов, которые привели к улучшению правления в Америке, пресекли злоупотребления местных чиновников, улучшили государственное образование [Simon, 2017, pp. 164–165].

Параллельно новоиспанские депутаты в кортесах в Мадриде настаивали на автономистском проекте по развитию местных органов власти с расширением полномочий провинциальных депутатов и муниципальных советов, санкционированных Конституцией 1812 г. Вопрос о представительстве, стоявший на повестке с 1810 г., переплетался с вопросом о суверенитете. Результатом суверенных предложений американцев стала презентация «Плана конфедерации» в июне 1821 г., по которому заморские депутаты выступили за политическую децентрализацию и создание независимых законодательных, исполнительных и судебных органов [Frasquet, 2009, p. 50].

24 августа 1821 г. между Хуаном О'Доноху (1762–1821), генерал-лейтенантом испанской армии, и Агустином де Итурбиде был заключен Кордовский договор. Он устанавливал суверенность Мексиканской империи; призвание Фердинанда VII или другого представителя испанской короны на правление; Временный руководящий совет во главе с О'Доноху. 28 сентября 1821 г. была составлена Декларация о независимости Мексиканской империи.

За время войны за независимость значение понятия «суверенитет» претерпело радикальные изменения. Главный сдвиг коснулся субъекта суверенитета, который еще в риторике Морелоса перешел от индивидуального к коллективному. Суверенный субъект — нация — соединился с феноменом представительства:

совет Ситакуаро 1812 г., Конгресс Анауака 1813 г., Национальный конгресс 1822 г. [Fernández Sebastián, 2014, p. 159]. Здесь важна и лингвистическая трансформация понятия от субъекта к атрибуту: от Суверена к суверенным Америке и нации. Именно с 1821 г. суверенность становится неотделима от понятия независимости.

Кордовский мирный договор не был одобрен в Мадриде, поэтому в июле 1822 г. Итурбиде принял радикальное решение – он вступил на престол под именем императора Агустина I после коронации в соборе Мехико. Поскольку Итурбиде имел поддержку со стороны армии, республиканские депутаты были вынуждены согласиться с принятым решением, которое Итурбиде представил как временное. В июле того же года Конгресс сформировал комиссию для разработки проекта конституции. Вскоре разгорелся конфликт между исполнительной и законодательной властью нового правительства: следуя недавнему испанскому прецеденту, Конгресс считал себя представителем нации и высшим органом власти, с чем был не согласен Итурбиде. 31 октября 1822 г. император распустил Конгресс и создал Временную правительственную хунту, состоящую из 38 лояльных ему депутатов [The Origins of Mexican ... , 1997, p. 72]. Хунта должна была решить вопрос мексиканского законодательства. 18 декабря 1822 г. были опубликованы «Временные политические правила Мексиканской империи», осуждающие Кадисскую конституцию [Entre letras y fusiles ... , 2021, p. 87].

Стремление урегулировать законодательство было свойственно испанским колониям в Америке с самого начала войны за независимость. Апацинганская конституция (1814) стала де-факто первой конституцией Новой Испании, но оказалась нереализуема из-за побед роялистов на континенте. Желание написать свою конституцию возобновилось вместе с приходом к власти Агустина де Итурбиде. Де-юре первая конституция будет написана в 1824 г.

До Американской и Французской революций понятие «конституция» отсылало к устанавливающим и регулирующим нормам религиозных или дворянских корпораций (например, магистры) [Fernández Sebastián, 2009, p. 383]. Конституции США и Франции, а также Декларация прав человека и гражданина 1789 г. вводят концепцию суверенной нации, которая дает себе конституцию через представителей. Трансформация термина, придающая ему смысл в единственном числе и с большой буквы, была подхвачена революционерами Новой Испании после вторжения Наполеона I в Испанию и особенно после Кадисской конституции.

Недовольство новым правительством Итурбиде привело к восстаниям в провинциях. Ярким примером стали действия генерала Антонио Лопеса де Санта-Анны (1794–1876), снятого Итурбиде с командования Веракрусом в ноябре 1822 г. 1 февраля 1823 г. Санта-Анна опубликовал «План де Каса Мата»¹, который оказал реша-

¹ Дискурс в тексте понимается как совокупность высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования [Фуко, 2004, с. 210]. В нашем случае под высказываниями подразумеваются тексты, написанные мексиканскими политиками и священниками в момент формирования независимого государства.

ющее влияние на падение империи. В документе генерал впервые открыто обвинил Итурбиде в незаконном смещении Конгресса и обратился к военным с призывом к созданию национального представительства [Entre letras y fusiles ... , 2021, p. 104].

Среди причин быстрого успеха «Плана» в армии можно выделить децентрализованное командование, которое превратилось в объединение вооруженных групп, следующих за своим военачальником. На это повлияла растущая автономия провинций. Интересно, что «План» при этом гарантировал поддержку императора и сохранение монархии в целом.

17 февраля 1823 г. военачальники, принявшие «План», потребовали не только восстановления органа национального представительства, но и его независимости от Итурбиде. 29 марта Итурбиде восстановил распущенный Конгресс, отказался от престола и покинул страну. Именно этот переломный момент привел к победе республиканизма в мексиканской политической мысли.

1820–1823 гг. можно охарактеризовать усилением роли Конгресса в политической жизни и усложнением политического дискурса. Тексты этого времени демонстрируют обширные знания о событиях и политической мысли Старого и Нового Света. Еще до обретения независимости в 1821 г. в них начинают превозноситься достоинства конституционного строя, важность понятий «нация» и «Америка». Начиная с 1822 г. в текстах упоминается необходимость провинциального управления при установлении федеративного устройства [The Origins of Mexican ... , 1997, p. 74].

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ МЕКСИКАНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТОРЖЕСТВО РЕСПУБЛИКАНИЗМА

31 марта 1823 г. были опубликованы два указа о переходе от монархической формы правления к республиканской: во-первых, восстанавливался Конгресс из 103 депутатов; во-вторых, прекращалась деятельность существующей на тот момент исполнительной власти [Davis, 1987, p. 182]. Выборы Итурбиде были признаны недействительными, а Кордовский договор отменен как выражение личной инициативы Итурбиде.

Начавшееся в 1810 г. повстанческое движение не сразу обратилось к республиканской форме правления, поскольку революционеры поначалу сохраняли верность испанскому монарху. Апацинганская конституция стала первым документом, намекающим на республику, поскольку в ней прямо не устанавливалась форма правления нового государства и не упоминался монарх.

Хосе де Мьер, участвовавший в экспедиции Мины, стал одним из важнейших сторонников республиканизма в Мексике. Он отмечал, что только республиканское правительство способно предотвратить европейское вмешательство в дела Америки [Mier, 1821, p. 77]. Еще до установления республики Мьер настаивал на том, что в Западном полушарии царит «республиканский дух», поэтому переход

к этой форме правления — ключ к процветанию. Идея Западного полушария впоследствии активно развивалась и использовалась как в США, так и в Латинской Америке [Whitaker, 1954]. У Мьера понятие республиканского духа подразумевает Новый Свет как единое целое со свойственным ему набором передовых принципов — в противовес «старой» монархической Европе. В аргументации установления республиканского порядка Мьер апеллирует не к античным республикам, а к правительствам второй половины XVIII в.

В период правления Итурбиде большинство идеологов, однако, выступали за конституционную монархию как форму правления, которая объединила в себе лучшие черты абсолютной власти (эффективная исполнительная власть) и республики (конституция и представительство), избегая при этом деспотизма первой и анархии второй, что напрямую соотносилось с идеями Монтескье [Осапро, 1969, р. 200]. Таким идеологом был, к примеру, священник Луис де Мендисабаль (1776–1834). В «Катехизисе независимости» (1821) он утверждал, что в Мексике должна быть установлена конституционная монархия, пока у граждан не появятся «республиканские добродетели» [Lato Monte, 1821, р. 71].

5 ноября 1823 г. был созван новый Учредительный конгресс, начавший работу над конституцией. Поскольку провинции, большинство из которых теперь называли себя штатами, решили, что Мексика должна стать федеративной республикой, дебаты в Конгрессе сосредоточились на вопросе о том, кто является сувереном: вся нация или отдельные штаты. Делегаты разделились на четыре фракции: суверенитет принадлежит штатам; суверенитет принадлежит нации; суверенитет разделен между штатами и нацией; суверенитет зиждется в сильном национальном правительстве (меньшинство централистов) [The Origins of Mexican ... , 1997, р. 78].

Окончательный проект конституции исходил от Мигеля Рамоса Ариспе (1775–1843), священника и политика, «отца мексиканского федерализма» [Либерализм и консерватизм ... , 2018, с. 151]. Интересно, что Рамос Ариспе, как и некоторые другие депутаты (Валентин Гомес Фариас, Хуан де Диос Каньедо и др.), участвовал в кортесах Кадиса. Мексиканская конституция была создана по образцу Кадисской и соответствовала ее структуре. Наиболее важным вкладом конституции Кадиса стал институт провинциальных депутатов. Именно он добился превращения провинций в штаты федерации [Guardino, 2013, р. 259]. Тем не менее в документах были существенные различия. Основные нововведения — республиканство, федерализм и президентство — были приняты с учетом мексиканских реалий и политических экспериментов Итурбиде.

Федеральная конституция Мексиканских Соединенных Штатов была ратифицирована 4 октября 1824 г. и состояла из 7 разделов и 171 статьи, которые излагали основные политические принципы молодой нации. Особенно примечательно, что третья статья, как и на начальном этапе, провозглашала сохранение вероисповедания по римско-католическому обряду [Constitucion de 1824, р. 77]. Мексика принимала форму представительной, народной и федеративной республики. Сохранялся федеральный союз штатов, но окончательные границы еще предстояло установить

(на момент обнародования конституции – 19 свободных штатов и 3 территории). Высшие полномочия были разделены на законодательные, исполнительные и судебные. Законодательная власть передавалась Конгрессу, состоящему из двух палат – Палаты депутатов и Сената. Подобно испанским кортесам, мексиканский Конгресс считал, что исполнительная власть существует исключительно для того, чтобы выполнять волю законодательной. Идея триумvirата была отринута, исполнительная власть вверялась президенту, вводилась фигура вице-президента. Первым президентом был избран Гвадалупе Виктория (1824–1829), а вице-президентом – Николас Браво (1824–1827). Президентская власть оставалась слабой вплоть до конца XIX в., когда сначала Бенито Хуарес (1858–1872), а затем Порфирио Диас (1884–1911) укрепили эту должность.

Не все политики положительно оценивали разработанную конституцию. Например, Лукас Аламан считал, что она не соответствовала мексиканским обычаям и привычкам [Simon, 2017, p. 188]. По его мнению, ошибка учредителей состояла в копировании конституции США в надежде на те же эффекты, хотя в Соединенных Штатах федерализм имел глубокие корни – в отличие от централизованной Испанской Америки [Alamán, 2008, p. 200].

В 1810-е гг. термины «федерация» и «конфедерация» чаще всего означали союз. В подавляющем большинстве источников конфедератами считались лица, следовавшие за каким-то лидером или участвовавшие в заговоре. Понятие «федерация» стало активно применяться уже в 1820-е гг. и было воспринято из североамериканского опыта – именно так появилась идея о том, что Мексика тоже способна стать «Соединенными Штатами». С 1823 г. термин «федерализм» активнее фигурирует в источниках, что связано с провалившимся имперским экспериментом Итурбиде. Разработчики конституции предоставили штатам важную роль, которой добились регионы, и это соглашение внесло значительный вклад в формирование национального единства. Как отмечала Нетти Ли Бенсон, неслучайно Мексика, несмотря на многочисленные центробежные силы, оставалась единой, в то время как Центральная и Южная Америка распались на множество более мелких государств [Benson, 1992, p. 129].

Таким образом, мексиканская война за независимость стала прямым импульсом к формированию суверенного государства. Восстание началось со священников, которые основывали свои обращения на схоластической традиции и не призывали к полному разрыву с колониальным прошлым. Несмотря на попытку сохранить наследие и отношения с Испанией, в период с 1821 по 1824 г. мексиканцы стремились закрепить свою независимость, обращаясь к новым формам государства (форма правления и государственного устройства, идеология и принципы) – республиканизм, федерализм, суверенитет, либерализм, конституционализм. Хотя набор понятий нельзя обозначить как однородную группу, в начале XIX в. они были тесно переплетены, а границы между ними размыты. Например, идеи суверенитета и республиканизма обозначали отказ от монарха и переход к коллективному правлению с представительными органами власти. Конституционализм был связан

с концепцией суверенной нации, которая пишет для себя основной закон через представителей. Либерализм предполагал набор политических ценностей (права и свободы, равенство, разделение властей), необходимых для функционирования государства. Федерализм подразумевал государственное устройство, основанное на союзе штатов (бывших провинций) и способное поддерживать национальное единство. Хотя формирование суверенного государства вызывало споры у мексиканских политиков и священников, именно эти принципы были закреплены в Конституции 1824 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Альперович М.С.* Война за независимость Мексики (1810–1824). М.: Наука, 1964. 477 с.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Кучково поле, 2016. 414 с.
- Гумбольдт А.* Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799–1804 гг. Т. 3: Страны Центральной и Южной Америки. СПб.: Лань, 2014. 434 с.
- Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. Сост.: Т. Атнашев, М. Велижев М.: Новое литературное обозрение, 2018. 632 с.
- Либерализм и консерватизм в латиноамериканской истории. Отв. ред. Е.А. Ларин. М.: Наука, 2018. 760 с.
- Селиванова И.В. Кадисская конституция и формирование мексиканского государства // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2018. № 20. С. 47–70.
- Фуко М.* Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия; Университетская книга, 2004. 416 с.
- Alamán L.* Examen Imparcial de la Administración de Bustamante. México: Consejo Nacional para la Cultura y las Artes, 2008. 221 p.
- Alamán L.* Historia de Méjico desde los Primeros Movimientos que Prepararon su Independencia en el Año de 1808 hasta la Época Presente. Vol. 1. México: Imprenta de J.M. Lara, 1849. 504 p.
- Benson N.* La diputación provincial y el federalismo mexicano. México: El Colegio De México, 1995. 315 p.
- Constitución de 1824. URL: <https://archive.ph/20120630143924/http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/12148085130100492976402/index.htm> (дата обращения – 20 июня 2024 г.).
- Davis T.* The Political Plans of Mexico. Lanham, MD: University Press of America, 1987. 687 p.
- Diccionario de la independencia de México. Comp. A. Ávila, V. Guedea, A.C. Ibarra. México: UNAM, 2010. 566 p.

- Entre Letras y Fusiles. Antología Documental de la Revolución de Independencia (1808–1824). México: Instituto Nacional de Estudios Históricos de las Revoluciones de México, 2021. 491 p.
- Hutchinson J. Nationalism and War. Oxford: Oxford University Press, 2017. 220 p.
- El Congreso de Anáhuac, 1813*. México: Cámara de Senadores, 1963. 440 p.
- Fernández Sebastián J. *Diccionario Político y Social del Mundo Iberoamericano*. Vol. 1. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2009. 1422 p.
- Fernández Sebastián J. *Diccionario Político y Social del Mundo Iberoamericano*. Vol. 2. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2014. 2329 p.
- Fernández Sebastián J. La aurora de la libertad: Los primeros liberalismos en el mundo iberoamericano. Madrid: Marcial Pons, 2012. 515 p.
- Frasquet I. De la autonomía provincial a la República Federal. México, 1820–1824 // *Ayer*. 2009. №. 74. Pp. 49–76.
- Guardino P. Peasants, Politics, and the Formation of Mexico's National State: Guerrero, 1800–1857. Stanford, CA: Stanford University Press, 1996. 319 p.
- Guardino P. La Constitución de Cádiz de 1812 en México // *Memoria del seminario internacional: Conmemoración del Bicentenario de la Constitución de Cádiz. Las ideas constitucionales de América Latina*. México: UNAM, 2013. Pp. 253–268.
- Latin America and the Enlightenment. Ed. by Arthur R. Whitaker. New York: Great Seal Books, 1961. 156 p.
- Lato Monte L. (*Pseudónimo de Luis de Mendizábal*). Catecismo de la Independencia. México: Imprenta de Mariano Ontiveros, 1821. 71 p.
- Mier J. Memoria Político-Instructiva. Filadelfia: Impresa en Filadelfia, 1821. 127 p.
- Ocampo J. Las Ideas de un Día. *El Pueblo Mexicano ante la Consumación de su Independencia*. México: El Colegio de México, 1969. 376 p.
- Pocock J. Languages and Their Implications: The Transformation of the Study of Political Thought // *Politics, Language and Time: Essays on Political Thought and History*. Chicago: Chicago Press, 1989. Pp. 3–41.
- Simon J. The Ideology of Creole Revolution: Imperialism and Independence in American and Latin American Political Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 384 p.
- Stoetzer C. Scholastic Roots of the Spanish American Revolution. New York: Fordham University Press, 1979. 312 p.
- The Origins of Mexican National Politics, 1808–1847. Ed. by Jaime E. Rodríguez O. Washington, D.C.: Rowman & Littlefield Publishers, 1997. 138 p.
- Tutino J. The Mexican Heartland: How Communities Shaped Capitalism, a Nation, and World History, 1500–2000. Princeton: Princeton University Press, 2018. 499 p.
- Whitaker A. The Western Hemisphere Idea: Its Rise and Decline. Ithaca: Cornell University Press, 1954. 194 p.

REFERENCES

- Al'perovich M.S. *Vojna za nezavisimost' Meksiki (1810–1824)* [Mexican War of Independence (1810–1824)]. Moscow: Nauka, 1964. 477 p. (in Russian).
- Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imagined Communities]. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 414 p. (in Russian).
- Gumbol'dt A. *Puteshestvie v ravnodenstvennye oblasti Novogo Sveta v 1799–1804 gg. T. 3: Strany Central'noj i Yuzhnoj Ameriki* [Personal narrative of travels to the equinoctial regions of the New Continent, during the years 1799–1804. Vol. 3: Countries of Central and South America]. St. Petersburg: Lan', 2014. 434 p. (in Russian).
- Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noj istorii* [Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Comp. T. Atnashev, M. Velizhev Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 632 p. (in Russian).
- Liberalizm i konservatizm v latinoamerikanskoj istorii* [Liberalism and Conservatism in Latin American History]. Ed. E.A. Larin. Moscow: Nauka, 2018. 760 p. (in Russian).
- Selivanova I.V. Kadisskaya konstituciya i formirovanie meksikanskogo gosudarstva [The Cadiz Constitution and the formation of the Mexican State], in *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah*. 2018. No. 20. Pp. 47–70 (in Russian).
- Fuko M. *Arheologiya znaniya* [The Archeology of Knowledge]. St.Petersburg: Gumanitarnaya akademiya; Universitetskaya kniga, 2004. 416 p. (in Russian).
- Alamán L. *Examen Imparcial de la Administración de Bustamante*. México: Consejo Nacional para la Cultura y las Artes, 2008. 221 p.
- Alamán L. *Historia de Méjico desde los Primeros Movimientos que Prepararon su Independencia en el Año de 1808 hasta la Época Presente*. Vol. 1. México: Imprenta de J.M. Lara, 1849. 504 p.
- Benson N. *La diputación provincial y el federalismo mexicano*. México: El Colegio De México, 1995. 315 p.
- Constitución de 1824. Available at: <https://archive.ph/20120630143924/http://www.cervantesvirtual.com/servlet/SirveObras/12148085130100492976402/index.htm> (accessed 20 June 2024).
- Davis T. *The Political Plans of Mexico*. Lanham, MD: University Press of America, 1987. 687 p.
- Diccionario de la independencia de México*. Comp. A. Ávila, V. Guedea, A.C. Ibarra. México: UNAM, 2010. 566 p.
- Entre Letras y Fusiles. Antología Documental de la Revolución de Independencia (1808–1824)*. México: Instituto Nacional de Estudios Históricos de las Revoluciones de México, 2021. 491 p.
- Hutchinson J. *Nationalism and War*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 220 p.
- El Congreso de Anáhuac, 1813*. México: Cámara de Senadores, 1963. 440 p.
- Fernández Sebastián J. *Diccionario Político y Social del Mundo Iberoamericano*. Vol. 1. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2009. 1422 p.

- Fernández Sebastián J. *Diccionario Político y Social del Mundo Iberoamericano*. Vol. 2. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2014. 2329 p.
- Fernández Sebastián J. *La aurora de la libertad: Los primeros liberalismos en el mundo iberoamericano*. Madrid: Marcial Pons, 2012. 515 p.
- Frasquet I. De la autonomía provincial a la República Federal. México, 1820–1824, in *Ayer*. 2009. No. 74. Pp. 49–76.
- Guardino P. Peasants, Politics, and the Formation of Mexico's National State: Guerrero, 1800–1857. Stanford, CA: Stanford University Press, 1996. 319 p.
- Guardino P. La Constitución de Cádiz de 1812 en México, in *Memoria del seminario internacional: Conmemoración del Bicentenario de la Constitución de Cádiz. Las ideas constitucionales de América Latina*. México: UNAM, 2013. Pp. 253–268.
- Latin America and the Enlightenment*. Ed. by Arthur R. Whitaker. New York: Great Seal Books, 1961. 156 p.
- Lato Monte L. (Pseudónimo de Luis de Mendizábal). *Catecismo de la Independencia*. México: Imprenta de Mariano Ontiveros, 1821. 71 p.
- Mier J. *Memoria Político-Instructiva*. Filadelfia: Imprensa en Filadelfia, 1821. 127 p.
- Ocampo J. *Las Ideas de un Día. El Pueblo Mexicano ante la Consumación de su Independencia*. México: El Colegio de México, 1969. 376 p.
- Pocock J. Languages and Their Implications: The Transformation of the Study of Political Thought, in *Politics, Language and Time: Essays on Political Thought and History*. Chicago: Chicago Press, 1989. Pp. 3–41.
- Simon J. *The Ideology of Creole Revolution: Imperialism and Independence in American and Latin American Political Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 384 p.
- Stoetzer C. *Scholastic Roots of the Spanish American Revolution*. New York: Fordham University Press, 1979. 312 p.
- The Origins of Mexican National Politics, 1808–1847*. Ed. by Jaime E. Rodríguez O. Washington, D.C.: Rowman & Littlefield Publishers, 1997. 138 p.
- Tutino J. *The Mexican Heartland: How Communities Shaped Capitalism, a Nation, and World History, 1500–2000*. Princeton: Princeton University Press, 2018. 499 p.
- Whitaker A. *The Western Hemisphere Idea: Its Rise and Decline*. Ithaca: Cornell University Press, 1954. 194 p.

Статья принята к публикации 22.07.2024